

МАГИЧЕСКОЕ СЛОВО В ДЕРЕВНЯХ ПУДОЖСКОГО РАЙОНА¹

Для носителей традиционной культуры Русского Севера характерно восприятие слова как магического инструмента преобразования мира: широко распространено лечение с помощью заговоров, порча посредством слова, вербальные апотропеи. Вера в магическую силу слова вызывает к жизни такие жанры ритуально-магической речи, как заговоры, проклятия, благословения, благопожелания, а также вербальные запреты и особые приемы обращения со словом.

Заговорное слово

Одним из самых распространенных видов магической речи на Русском Севере является заговор. В Карелии распространено поверье о том, что знающий человек должен произносить слова тихо, поскольку если их услышит человек младше знающего, то его слова перестанут действовать. Поэтому информанты часто не соглашались произносить слова заговора: «Ну дак слов-то я как отдам-то, ребята, я этого не отдам» (В.А. Куроптева, 1928 г.р., д. Теробовская; зап. А. Топорков, И. Чернявская, Т. Ильина).

Переносить слова следует, тщательно спрятав, поскольку они «боятся ветра»: «Дак я ходила к бабушке, дак она мне там поговорила каких-то слов, я принесла, она мне сказала: «Только, сватьяшка, клади <...> под пазуху, и как через воду будешь проходить, да скажи: "Через речку перешла, слова перенесла"» (К.М. Устинова, 1928 г.р., пос. Красноборский; зап. А. Топорков); «Когда вот так слова наговариваешь, во-первых, они боятся всегда ветра, ветра даже боятся, почему? Вот ты даёшь вот человеку... наговорила я там на што-то — на соль, или на песок, или на што там. И вот этот человек должен идти домой, чтобы ветра не попало, на ветер, и ложат вот сюда [под мышку] куда-ни, чтобы был в покое» (В.А. Анхимкова, 1931 г.р., д. Бураково; зап. А. Топорков).

Если заговаривают какую-нибудь пищу, то ее следует тщательно упаковать, чтобы слова «не выветрились». Знахарка В.А. Куроптева объясняла собирателям, как пользоваться заговоренными солью и чаем. Хранить их следует в посуде с плотно закрытой крышкой — «так, чтоб эти слова-то не выдохлись <...> Не выветрились». Нами был зафиксирован также запрет варить наговоренную соль: «Будете мыть [ребенка], ту воду — не где мыло, а которой вот обдавать будете. Вот споласкивать будете. То и вовсе столу ложку <...> [Эту соль можно есть?] Дак в салат можно брать. И вот в солонку можно сыпать, если нет этого, суп недосолённый. Можно. А варить не можете эту соль. Варить нельзя» (В.А. Куроптева, 1928 г.р., д. Теробовская; зап. Т. Ильина).

Часто нам удается записать случаи приворота при помощи слова, как со стороны девушек, так и со стороны юношей: «Дак привораживали раньше, привораживали <...> Вот этот колдун-то в Охтомострове жил, што я рассказывала. Мама говорит: "Он делал". Вот как это Казанская, значит, вот наедет... ведь раньше со всего Водлозера съезжались, молодежь. И девушки, и юноши туда, ну вот. А обычно ведь эти вечерки были на овине. На овин это, где хлеб-то там молотили, зерно, вот эти. Ну вот. И мама говорит: "Туда. И у него, значит, к нему, што дедушка, вот там я хочу сегодня посидеть с Ванькой, ну вот дак сделай што-нибудь". Ну вот он чего-то,— мама говорит,— поговорит в платок. И подаст его девушке, што вот раньше круг там заводили. Танцы были народные такие... Круг. И мама говорит — пойдешь, и девушка там парня, парень там девушку. В общем, собирался круг. И вот, девушка придет, платком махнет наговоренным этим,

и вот этот вечер она... парень уже от нее не отойдет. И, говорит, так было часто, што даже и потом поженяца» (А.И. Пименова, 1932 г.р., д. Куганаволок; зап. О. Симонова).

Таким образом, на Русском Севере магическое слово часто приобретает характеристики материального объекта: его можно перенести, положить, стряхнуть. Оно может воздействовать на человека как материальная сущность.

Магические слова использовались для лечения как физических, так и психосоматических болезней. Заговором лечили «грыжу» (под грыжей понимались самые разные болезни), зубы, останавливали кровь и т.д. Наговоренной солью, сахаром или водой снимали тоску: «... бабка какая-то знала, что это [как снимать тоску по покойнику и по дому]. А как делается — слова всё говорят, слова это на хлеб или на сахар, или воду наговаривать, что попьёшь вот эту воду, и начинается легче на душе» (А.В. Алексеева, 1928 г.р., д. Семеново; зап. А. Топорков, Б. Дэвис, А. Кудинов).

Однако заговорное слово могло быть использовано не только в благих целях, но и для порчи. В Карелии хорошо известны случаи порчи, наведенной на супругов: «[Как можно было отворожить?] Это называлось остуда <...> Ну, это поссорить. [Рассорить?] Да. Дак там берут соль и золы немножко и говорят: "Соль с золой злись, а такой-то с такой ругайся". И имена называют. "Ругайся и дерись". И вот эту посыпают у порога или где им там, у стола. Вот они переходят вот это место и скандал. [Это делают на свадьбу?] Нет, в любое время там делали. Не обязательно на свадьбу» (В.А. Анхимкова, 1931 г.р., д. Бураково; зап. А. Топорков).

Вербальные запреты, молитвы, благословения

Среди самых распространенных в Карелии можно назвать запреты, связанные с ситуацией ухода из дома. Человеку не следует говорить, что он идет «недалеко» и «ненадолго», поскольку в этом случае его постигнет неудача. Известны многочисленные истории о том, как люди после нарушения вербального запрета уходили в лес и не могли вернуться. В этом случае могли помочь знающие люди: «Я, бывало, на сенокосе была, это война ещё шла... Но, а... у нас женщина одна всё варила на поже <...> А она как ушла, а [гово]рит: "Ой, да я сейчас схожу, мол, тут, на поже, котёл, дак, возьму". А котёл-то, ведь, такой, большой, на артель, дак... Ну... Ведь ушла, и её увел этот леший. Мы целую неделю её искали. Уже всё забросили: всю косьбу и всё, и кричали, и искали, и... и она целую неделю проходила. Дак потом была... хорошо, была у нас одна женщина — от теперь тоже нету живой, она на Водлозере жила-то — умела кресты бросать. И она кресты-то бросила ей, это... она пришла... через неделю, с котлом, так же: на палке котёл носит, в слезах вся. Вся ободранная, вся поцарапанная, и платья все на себе изорваны, и рассказывала, что, говорит: как туда вёл — дак всю дорогу как будто расчищена дорога, а как, говорит, меня оттуда, [говор]ит, пихнул, и шла, говорит — всё... не знаю... пихалось в лесу, вот так всё, как будто вот всё мне закрыта дорога. Но пришла. Вот такой был случай» (К.М. Устинова, 1928 г.р., пос. Красноборский; зап. А. Топорков, А. Голованова, Д. Шайкенова); «Я вот как-то сказала себе: "Я, говорю, в Каршево летаю, как самолёт!" Ну и слетала. Обрат-но придти не могу, ноги отнялись и всё, идти не могу, представляете? Дак меня бабка только отколдовала. Я едва до дому дошла, рёвом реву: "Мама, говорю, у меня так ноги заболели, я идти не могу, и ничего!" Она говорит: "Вот ты слетала самолё-

том!"» (А.Т. Петрова, 1933 г.р., д. Каршево; зап. А. Топорков, К. Хомякова).

Иногда заблудившемуся человеку удавалось выйти из леса, но бывали и трагические случаи. В Карелии считается, что если кто-то потерялся, то его домашним нельзя ссориться, иначе пропавший погибнет: «... люди теряются, и потом приходится этих людей бабушкам и дедушкам там в общем, короче говоря, опять доходить до каких людей, которые знают <...> Я знаю, я скажу, што вот в доме то-то не делается там, не скандальте или што-то за этот период, чтобы всё было нормально. А то человек не вернётся, или замучает его там, так» (М.С. Семерикова, 1927 г.р., д. Куганаволок; зап. А. Топорков).

Запрет на брань актуален и для тех, кто отправляется в лес; считается, что леший не любит шума и брани: «Нельзя вот ругаться там, ково-то проклинать, лес... лесников, лесных обитателей, леших да вот там, чертей всех вспоминать да "к черту!" там, ну вот, иди своей дорогой спокойно» (Б.М. Филимонов, 1941 г.р., д. Авдеево; зап. А. Топорков, Я. Талбацкий).

Другой вербальный запрет связан с произнесением слова «куда». В Карелии распространено поверье о том, что человека, особенно охотника или рыбака, можно случайно или намеренно лишить удачи на промысле, если спросить его, «куда» он идет («обкудыкать»). Местные жители считают, что вместо «куда» следует говорить «далеко ли» — это поможет избежать неудачи. Если все же запретный вопрос был задан, то «обкудыканому» следует вернуться домой и начать путь сначала: «"Куда" раньше не спрашивали, а "далеко ли пошёл?" или там... А теперь первое слово — "куда пошёл?" Это излюбленное слово "куда" [А почему раньше так его не любили?] Ну, значит, верили люди, верующие люди были, это слово, значит, для них было как бич. Что что-то случится плохое, раз это слово произнесли при отправлении куда-то» (А.И. Пименова, 1932 г.р., д. Куганаволок; зап. А. Топорков.); «Ну, вот даже скажут: "Ну, куда пошла-то?" Ну, фсё. Обкудыкала. Фсё правильно, вернись обратно», «[Не говорили, что нельзя спрашивать: "Куда идёшь?"] Да-да. [А почему?] А вот не знаю. Вот не будет пути <...> Ну вот пойдёшь, там, например, в лес пошёл, ну не... Ягод ты не найдёшь. Или вот што-то тоже вот... што-то лучше сразу возвращайся» (И.П. Мещанинова, 1937 г.р., д. Нигижма; зап. М. Алексеевский, С. Баева).

Считается, что перед выходом из дома лучше всего прочитать молитву и перекреститься: «"Господи, благослови!", перекреститься надо, што в лес идти: "Пособи, Господи, зайти и выйти!"» (К.М. Устинова, 1928 г.р., пос. Красноборский; зап. А. Топорков.); «... я говорила о том, чтобы не говорили от слова "недолго" или "сейчас". Вот этого просто не обещаться. Пошёл, иди, благословясь, или пошёл да... или надо пойти да сказать: "Бог помощь!"» (М.С. Семерикова, 1927 г.р., д. Куганаволок; зап. А. Топорков).

Проклятия

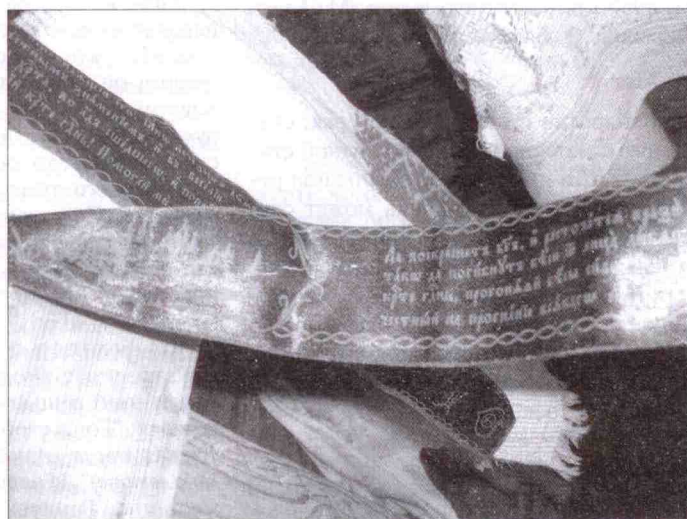
В Карелии нам часто встречались истории о материнском проклятии, из-за которого ребенка уносила нечистая сила: «... ребёнок-то пошёл корову прогнать — мать сказала, што: "Прогони корову", а он... чё-то он сказал: "Давай, я лучше ребён... там маленького в садик отведу". А она в садик-то повела сама, а ёго стала ругать, ка[к] будто был там... там, скажем, проклят, или што-то... И парень-то не вернулся. Корову-то прогнал и не вернулся... Это года три-четыре, наверно, назад, не больше. Так и не нашли ребёнка. Вот, не надо таких слов говорить» (К.М. Устинова, 1928 г.р., пос. Красноборский; зап. А. Топорков, А. Голованова, Д. Шайкенова).

Однако при правильном поведении оставшихся дома родственников «заруганного» ребенка его можно было спасти: «У нас вот у этой соседки было у них ково-то, там было в [дерев-

Знахарка Валентина Александровна Куроптева (1928 г.р.) с новым мобильным телефоном. Д. Теребовская. 2005 г. Фото А.Л. Топоркова

Пояс с молитвой «Да воскреснет Бог», привезенный из Троице-Сергиевой лавры. Ильинская часовня между деревнями Каршево и Ярчево. 2005 г. Фото А.Л. Топоркова

не] Чужлы два сына у старушки, а у них было... вот у ней дед знал — хозяин, он был карел, он знал... Потому што было так. Они просились за ягодами или куда-то, а нервы-то не выдерживают. Она заругала. Она заругала, и они все трое потерялись. Когда они потерялись, вот этот хозяин (ихний сын ещё там был), и он предупредил. Он, ну ушёл, верно, с лесным, верно, знался, ушёл. Он предупредил их, чтобы там вот, ну, короче говоря, не делай то, што нельзя, чтобы не ссориться там в то время, чтобы... ничего чтобы не произошло с этима детьми, всё надо делать так, как скажут. И он вернул их, дети эти пришли потом» (М.С. Семерикова, 1927 г.р., д. Куганаволок; зап. А. Топорков).

В Карелии известны истории о детях — «обменышах», замененных на полено из-за того, что родители назвали их бранным словом: «Вот говорят, вот одна девушка, да, она была заруганная. Она была в лесу, так? И потом она стала проситься как... домой. Вот когда её отпустили домой, ей предупредили, чтоб она не выходила взамуж. Но я не знаю, в каком возрасте она была, потому што она долго находилась, так? Не выходила замуж. Но она пришла в дом, а качали <...> её в коляске-то (да такие коляски были) и заругали. Ну вот. И её, ну, обменяли.

Вот этот самой лесной или кто там пришёл обменял её. И там они качали потом полено, выходит. Ну вот. И, значит, она сказала, как это дело было. Её пригласили родители, пригласили и потом она, короче говоря, когда она стала выходить замуж, всё же она решила ли што, она на колодце оказалась мёртвой. Её, верно, замучило; раз дали приказ, замучило» (М.С. Семерикова, 1927 г.р., д. Куганаволок; зап. А. Топорков).

В пудожских деревнях распространено поверье о том, что «заругать» можно любого человека, идущего в лес. Поэтому никого нельзя провожать бранными словами: «Леший вот, например, есть у нас <...> Например, вот идёшь в лес, никогда не говори, што: "А пошёл ты к чёрту!" или "Пошёл ты к лешему!" <...> Вот кто-то што-то сказал, вот што-то так, невпопад этово... И фсё! В лесу идёшь, никогда не надо так говорить. Или там кто-то увидел и скажет: "Ой, а унеси тебя леший!" Это уже фсё» (И.П. Мещанинова, 1937 г.р., д. Нигижма; зап. М. Алексеевский, С. Баева).

Мат

В Карелии существуют поверья, связанные с матерной бранью. С одной стороны, матом ни в коем случае нельзя ругать детей. С другой, брань может служить средством отгона нечистой силы и «ходячих покойников»: «Вот я слыхала, тетя Наташа рассказывала про своего хозяина, про мужа. Так она сказала, что она в туалете прямо матом, материлась <...> Я слыхала, чтоб меньше плакал человек да меньше тосковал, выходит, по мертвому человеку, как говорится, переживает, тоскует»¹ (М.С. Семерикова, 1927 г.р., д. Куганаволок; зап. А. Топорков).

Таким образом, матерная брань может так же, как и молитва, служить средством отгона нечистой силы. Однако если действенность молитвы основывается на том, что в ней содержится обращение к сакральным персонажам, то мат действителен постольку, поскольку воспринимается носителями традиции как особый магический язык.

Примечания

¹ В статье использованы материалы из архива экспедиций Российско-французского центра исторической антропологии имени Марка Блока (РГГУ). Записи сделаны в 2003—2005 гг.

² См. также: Топорков А.Л., Ильина Т.С., Акельев Е.В. Первая Пудожская экспедиция РГГУ // ЖС. 2004. № 2. С. 46.

Т.С. ИЛЬИНА, аспирантка Российского гос. гуманитарного университета (Москва)

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ ЗАПАДНОЙ СЕРБИИ¹

В октябре 2004 г. состоялась экспедиция в западносербское село Ставе, расположенное в окрестностях города Валева, в которой участвовали автор данной статьи и сотрудница Института Сербского языка Сербской академии наук М. Петрович. Сбор материала производился по вопроснику А.А. Плотниковой². В настоящей публикации представлено несколько фрагментов традиционной духовной культуры села. В основном это элементы окказиональной, семейной и календарной обрядности, отличающиеся наибольшей архаичностью и репрезентативные для данного ареала. Свадьба как прекрасно сохранившийся и до сих пор практикуемый обрядовый комплекс описана почти в полном объеме.

МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКАЯ МАГИЯ

Град. Считается, что градовые облака наводят на село умершие не своей смертью. «Тот, кто повесился, он летит перед градом, он это делает» (ЯД). «Когда кто повесится, говорят, побьет нас град, старухи кричат, град побьет, тот, кто повесился, ведь если повесился, священник не может его отпевать, пока епископ не разрешит. Священник ни хоронить такого не может, ни отпевать» (СР). «Если кто повесится, весь год будет бить град, никакой возможности спастись от этого нет» (БМ). «Град погибшие приносят» (СЖ). «Если есть в доме что-то венчальное, хозяин становится перед домом и машет этой вещью и зовет того, кто повесился: "Тони свой белый скот от моего урожая (*терај тамо твоја бела говеда из моје летине*)". И зовут его по имени. Одна женщина, Ранкович Милойка, повесилась, так кричали: "Ой, Милойка, гони свой белый скот от моего урожая"» (ЯД). «Есть, говорят, прости Господи, Сисой, бесовский царь, говорят, он этими бесами руководит, а говорят, что это бесы приносят град. Что народ делает? Как загремит и начнется град, выносят стол обеденный на улицу и кладут на него хлеб и соль. И размахивают топором. И погибшему кричат: "Поворачивай назад свой белый скот (*враћај твоја бела говеда*)". А тому Сисою оставляют (*намењују*), готовят хлеб (*намењушица*), лепешку, кладут в сумочку, и свечку. И когда собирается град, женщины машут: "О Сисой, поворачивай свой белый скот от нашего урожая". Народ донага раздевался, вокруг дома бегали, чтоб град не побил. Топор в землю выткали» (ЕВ). «Против града перемарачивали телегу вверх тормашками» (РП), а в Великий четверг и Прощеное воскресенье не ездили на телегах, чтобы не было града» (ЯД). «От града раньше праздновали. Оставляли пасхальное яйцо

[которое красили первым] и, когда град соберется, надвинется облака, выносили это яйцо, ставили стол и на него яйцо... И размахивали топором, будто град отгоняют, и поворачивали его острием вверх, старики говорят, чтобы град разогнать... И свечу, которая от "славы"³ останется, выносили ее на стол, полагая яйца и свечу "славскую", вроде как это защищает. Зовут того, кто повесился: "Поворачивай тот белый скот, не отдавай наш урожай". Так кричат. Зовут того, кто повесился, погиб» (СР). «Свечу зажгут, поставят на стол и крестятся, молятся, крестом размахивают, бросают пепел в сторону туч и кричат, зовут утопленника: "Эй, Видо, поворачивай свой белый скот от нашего урожая", — или другого, кто повесился» (ЕВ).

Существуют, хотя и несколько смутные, поверья о живых людях, обладающих способностью управлять градовыми тучами. Считается, что если «рубашку», в которой родился ребенок, выбросить и ее съедят птицы, то такой человек станет «ветреняком» (*ветрењак*), приобретет способность летать. «Он невидимо летает, ночью, его никто не видит» (СР). Встречаются свидетельства, что такой человек может злонамеренно наводить на село градовые тучи (СЖ).

В селе сохранились остатки верований о борьбе, которую в воздухе ведут предводители туч. «Так говорят, тот сильнее и спас [свое село], тот сильнее и не дал свое и град просыпался в другом месте» (СЖ). Представление о том, что является субъектом этих столкновений — души покойников или «ветреняки» из разных сел, у носителей традиции, однако, весьма расплывчато.

Дождь. «Если нет дождя, если засуха, надо найти змею, убить и бросить в воду — пойдет дождь» (СР). «Женщины, когда принесут обед в поле, тарелок не моют. Говорят, дождь пойдет» (БМ).

СВАДЬБА

В западной Сербии по сей день свадебный обряд сохраняется очень полно, и большинство из приводимых ниже действий выполняются и в ходе современной деревенской свадьбы.

Сватать ходили родители, которые при заключении договора с отцом невесты давали ему деньги, почему и само сватовство получило в говоре название *капара* (серб. 'задаток'). Считалось позором, если просватанная девушка, за которую уплачен «задаток», «убегала за другого». Далее следовало второе сватовство (*прошевина*), или помолвка (*веридба*), когда родители, жених и невеста обменивались подарками. Зимой сватались до праздни-